

Г. А. БЯЛЫЙ

Варвара Павловна Адрианова-Перетц

Варвару Павловну я впервые увидел в 1921 г. Я был тогда студентом первого курса Петроградского университета и участником методологического просеминара Владимира Николаевича Перетца. Варвара Павловна изредка приходила на занятия просеминара. Иной раз она просто слушала доклад, иной раз принимала участие в обсуждении. Ей было тогда тридцать три года, но она казалась моложе. В. П. была красива, в ее манере говорить, в походке, выражении лица чувствовалось веселое сдержанное оживление. Мы знали, что она — молодой профессор и жена нашего руководителя. Перед Владимиром Николаевичем мы благоговели, что не мешало нам порою отваживаться на спор с ним. Его, сурового и строгого наставника, нисколько не сердил наш полемический задор, он, видимо, даже любил эти небольшие схватки и отвечал на наши, разумеется не бог весть какие премудрые, замечания с полным уважением к собеседнику. Мы сразу поняли, что таков дух его школы, дух равноправия людей разных возрастов и поколений, разных степеней знания, объединенных общим делом науки. В особенности ясно почувствовали мы это в следующем году, когда перешли по приглашению руководителя из просеминария в его прославленный Семинарий русской филологии.

Семинарий работал на дому у Владимира Николаевича, старшие и младшие его ученики занимались на равных правах, читали доклады и участвовали в обсуждениях. Кроме Варвары Павловны, там были и другие ученые, уже составившие себе имя в науке, — С. Д. Балухатый, С. А. Щеглова, А. И. Никифоров, — и рядом с ними студенты второго и третьего курса, делавшие свои первые робкие шаги. Студенты — участники семинара — проходили специальный курс русского языка, сверх того, который уже был сдан в Университете по общей программе. К нашей радости, занятия вела с нами Варвара Павловна. Каждую среду за два часа до начала семинара мы являлись на квартиру Владимира Николаевича, нас встречала Варвара Павловна, и занятия начинались. Они были увлекательны и необычны. Твердой программы не было, содержание бесед было приближено к литературоведческим задачам Семинария и к индивидуальным темам, над которыми работали студенты. Никакой казенщины, никакого школярства, дух самостоятельности и творческой заинтересованности — таков был стиль этого своеобразного семинара в семинаре.

Варвара Павловна и в этом была верной ученицей своего учителя. Каждый участник семинара был для нее не просто студент, а человек с особыми, своими интересами, своим характером и своей судьбой. Ей важно было знать о каждом из нас все: каковы семейные обстоятельства,

материальное положение (а оно у всех было тогда не особенно блестящее), что кто читает, ходит ли в музей, в театр и т. д. В особенности ее почему-то интересовало, какое искусство после литературы нас больше привлекает — музыка, живопись, театр? Обычно она заканчивала эти расспросы таким как будто не идущим к делу замечанием: «Все это хорошо, но обязательно надо посещать научные заседания...». Это мы часто слышали и от Владимира Николаевича, только он был еще строже и внушал, что надо не только посещать заседания, но и не бояться принимать участие в обсуждении докладов, хотя бы докладчиком и был крупный ученый.

Вскоре мы поняли, что Варвара Павловна знает о каждом из нас больше, чем мы сами друг о друге. Как-то в отсутствие одного студента она рассказала нам, что он очень плох здоровьем и сильно бедствует. Как всегда сдержанно и мягко, но с явным волнением она сказала:

«Как же вы не догадываетесь помочь вашему товарищу! Давайте придумаем что-нибудь».

Мы переглянулись сконфуженные и удивленные: мы ничего не знали о его тяжком положении.

Меня Варвара Павловна спросила однажды, удастся ли мне покупать книги по специальности. Я об этом тогда и не думал.

«Старайтесь покупать, — сказала она. — На Александровском рынке на развале можно почти даром достать нужные книги. Вы живете рядом; заглядывайте, проходя мимо; вы и не заметите, как составится библиотечка, — хоть маленькая, да библиотечка. А чтобы положить ей начало, вот я возьму и подарю вам моего „Алексея человека божьего“».

Она протянула мне новенький экземпляр своей книги, я с радостью взял его, но то ли не догадался, то ли не решился попросить о дарственной надписи.

Следующий раз я получил книжный подарок от Варвары Павловны ровно сорок лет спустя. Это была подготовленная ею книга В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков». К книге была приложена открытка с надписью на пишущей машинке (писать от руки Варвара Павловна тогда уже не могла): «Дорогой Григорий Абрамович, пусть эта книга напомнит Вам молодость и годы учения у нашего общего Учителя». Когда в письменном общении с участниками Семинария Варвара Павловна упоминала Владимира Николаевича, то называла его Учителем и слово это всегда писала с большой буквы.

Да, Семинарий русской филологии — это была наша молодость. Она прошла быстро, жизнь развела нас в разные стороны, но незримая связь сохранилась. После смерти Владимира Николаевича Варвара Павловна, естественно, стала центром содружества «перетцовцев». Бывало, мы по долгу с нею не встречались — по занятости, по болезни, но нить не порывалась, и Варвара Павловна радовала нас время от времени не приглашением навестить ее, то через кого-нибудь переданным устным приветом, то коротеньким праздничным поздравлением. При встрече всегда выяснялось, что Варвара Павловна все о вас знает, что она в курсе всех ваших дел, научных и личных, в особенности в курсе ваших успехов, с которых она с видимым удовольствием и начинала разговор.

Последний раз я был у Варвары Павловны 21 мая 1972 г., незадолго до ее смерти. Она собиралась встретиться со мной много раньше, в связи с заседанием, посвященным столетию со дня рождения В. Н. Перетца, на котором я должен был выступить с сообщением о Семинарии. Из-за ее тяжелой болезни встреча не состоялась, и увиделись мы только в этот навсегда памятный для меня день. Варвара Павловна была очень слаба,

но оживлена и даже весела, о болезни не было сказано ни слова. Она говорила о научных делах, о предстоящей в Пушкинском Доме защите А. М. Панченко, работу которого очень хвалила, и горячо советовала мне пойти на эту защиту. Но разговор все время возвращался к Семинарию В. Н. Перетца. Варвара Павловна вспоминала его участников, уже навсегда ушедших, вспоминала светло, без печали, с разными подробностями, порой забавными, порой трогательными. Речь шла с Сергеем Дмитриевичем Балухатом, который начал с древнерусской литературы, но прославился своими работами по Чехову и Горькому, об Игоре Петровиче Еремине, младшем ученике Владимира Николаевича, который пошел по пути своего учителя, став исследователем древнерусской и одновременно украинской литературы. Недаром Владимир Николаевич называл его «мой Вениамин». Вспоминала Варвара Павловна сослуживцев, которые поддерживали ее участливым отношением в трудные для нее времена.

Между прочим, она упомянула, что в жизни ее всегда особенно важным было 22-е число. В этот день случились разные большие события в ее жизни, в этот день был заключен ее брак с Владимиром Николаевичем. Его письмо, отправленное им в этот день 25 лет спустя, в год смерти, стало для нее дорогой реликвией. Остальная переписка погибла.

Когда я уходил, Варвара Павловна сказала: «Каких хороших людей мы вспомнили сегодня!».

В прихожей, прощаясь, она спросила с улыбкой: «Скажите, если бы вы встретили меня на улице, вы ведь не узнали бы меня?».

Меня удивил этот вопрос. Несмотря на ее слабость, несмотря на годы, меняющие всех людей, Варвара Павловна оставалась в моих глазах все такой же, какой я ее увидел полвека назад.

В заключение хочу привести одно из писем Варвары Павловны, особенно мне дорогое.

24 XI 69

Дорогой Григорий Абрамович!

Вчера наш сектор обсуждал программу своего расширенного заседания, которым будет отмечено столетие со дня рождения Владимира Николаевича. Ориентировочно это будет 4 февраля, — первая среда после 31 января — дня его рождения. ВСЕ, — включая и голос из Кисловодска Дмитрия Сергеевича «Лихачева», — просим Вас рассказать о годах Вашей и Игоря Петровича работы в семинаре. Вы единственный из этого последнего выпуска.

Пожалуйста, не откажите нам в этой просьбе, очень хочется услышать голос живого участника нашего семинара. Может быть, вспомните что-либо и о С. Д. Балухатом, А. И. Никифорове. Особенно ценно будет то, что касается Игоря Петровича. Ведь сейчас учит студентов его ученица.¹

Моя просьба — добавление к той официальной просьбе, какую от имени Дмитрия Сергеевича передаст Вам замещающий его на время его отпуска Лев Александрович Дмитриев. Ведь Владимир Николаевич очень любил «неразлучников», как называл он Вас и Игоря Петровича, своих младших питомцев.

С сердечным приветом

В. Адрианова-Перетц.

¹ Речь идет о Н. С. Демковой.